

УДК 94(4)

А. В. Сокова, В. П. Митрофанов

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ СО СВЕТСКОЙ И ДУХОВНОЙ ВЛАСТЬЮ. ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТОВ (XII–XV вв.)

Аннотация. На основе источников по истории некоторых западноевропейских университетов (Парижского, Болонского, Пражского и др.) эпохи Средневековья рассматриваются взаимоотношения университетов как отдельных корпораций с королевской властью и городскими магистратами. Отмечается значимость университетских корпораций как политических и идеологических центров в феодальных государствах Европы. Также прослеживается роль римской курии в организации университетов и их деятельности. Рассматриваются некоторые аспекты повседневной жизни преподавателей и студентов.

Ключевые слова: университеты, римские папы, император, король, корпорация, студенты, преподаватели, статуты.

Университеты своим появлением в период Средневековья в качестве самостоятельной городской корпорации были нередко обязаны духовной власти в лице римской курии или светской власти в лице императоров, королей или даже городских советов. Естественно, что в силу большой общественной и политической значимости в ходе своей дальнейшей истории университеты так или иначе были в определенных отношениях со светскими и духовными властями.

Сохранившиеся источники позволяют проследить ряд моментов этих взаимоотношений в течение XII–XV вв. на примере некоторых итальянских, французских, испанских университетов, а также Пражского университета.

В одной из самых ранних грамот германского императора Фридриха Барбароссы (1152–1190), датированной 1158 г., говорится о том, что она была выдана ученикам и учителям школ г. Болоньи на Ронкалоском сейме (близ г. Пьяченцы), когда, по словам одного современника, университет «был уже больше, чем головастик, но меньше, чем лягушка» [1, с. 66]. Очевидно, император уже знал, что в г. Болонье существовали землячества студентов, возглавляемые избираемым ректором. Вполне вероятно, что болонские учителя и городские власти сами обратились к императору с просьбой дать им официальное разрешение на организацию университета. Император пошел навстречу, прежде всего, по политическим причинам. Ему нужны были союзники из числа городов Северной Италии для укрепления своего господства после ее недавнего завоевания. В своей грамоте Фридрих Барбаросса гарантировал преподавателям и студентам некоторые привилегии.

Интересно отметить, что студенты могли порой жаловаться на несправедливые действия духовных властей самому папе римскому. Например, так это было в 1170–1172 гг., когда из Реймса (Германия) поступила жалоба в римскую курию на одного местного священника, допустившего несправедливые действия по отношению к местным школярам за то, что они осудили его недостойное поведение. Как отметили в своей жалобе школяры, этот священник совершил нападение на помещение их школы, «опрометчиво и дерзко учинив насилие над некоторыми из этих учеников» [1, с. 46–47]. Но самое главное, что

он без уведомления архиепископа Реймского Анри отлучил от церкви учеников без вызова их к себе, т.е. как бы заочно. Причем папа ясно дал понять, что поскольку отлучение учащихся проведено незаконно, то следует отлучить от церкви самого этого священника и его людей, «пока они не дадут должного удовлетворения оскорбленным и не предстанут перед апостольским престолом, предъявив письменное свидетельство от вашего имени» [1, с. 45]. Этот документ интересен тем, что еще до оформления в Реймсе университета сложился обычай приоритета юрисдикции учителей над своими учениками. Очевидно, впоследствии и это было записано в университетские статуты.

На примере Парижского университета в самый ранний период его существования логично проследить, какие отношения складывались у него с городскими властями и горожанами. Так, сохранилась датированная 1200 г. грамота короля Франции Филиппа II Августа, в которой он даровал некоторые привилегии университету Парижа [1, с. 47–48]. Очевидно, эта грамота была первым свидетельством интереса королевской власти к Парижскому университету.

Сохранился еще один любопытный документ. Это письмо римского папы Иннокентия III к магистрам и студентам Парижского университета, датированное 1205 г. (университет тогда еще был в стадии становления) [1, с. 48–49]. Это послание было связано с четвертым крестовым походом и завоеванием крестоносцами Константинополя. Суть письма в том, что папа призывал магистров и студентов ехать в Византию для распространения там католицизма, т.е. помочь в этом деле западноевропейскому королю Балдуину. Причем папа откровенно писал, что там их ждут несметные богатства [2, с. 49].

В XIII в. в период понтификата папы Григория IX (1227–1241), который, как известно, прославился жестокими мерами по преследованию еретиков, начинается активное вмешательство духовных властей в лице канцлера в организацию внутренней жизни университета г. Парижа. Так, в своей булле от 13.04.1231 Парижскому университету папа передавал широкие права канцлеру Парижа над университетской корпорацией [1, с. 49–51].

В другом своем письме от 23.04.1231 Григорий IX опять же напомнил о необходимости контроля за содержанием обучения: «мы приказываем вашему благоразумию... чтобы, просмотрев тщательно и осторожно эти книги (по изучению природы), Вы полностью исключили из них все, что Вы найдете ошибочного, скандального или оскорбляющего тех, кто будет их читать» [1, с. 51]. Таким образом, канцлеру предоставлялись еще и полномочия цензуры книг, по которым читались лекции в университете.

Примечательно, что в 1229 г. английский король Генрих III (1216–1272) направил письмо преподавателям и студентам Парижского университета, в котором предлагал им переселиться в любой город Англии, где он был готов дать им обширные привилегии и создать хорошие условия для их деятельности [1, с. 52]. Очевидно, это было связано с тем, что как раз в это время у преподавателей и студентов Парижского университета возникли определенные осложнения со светскими властями города.

Важную привилегию Парижскому университету дал римский папа Николай IV (1288–1292) 23 марта 1292 г. [1, с. 53]. Суть ее состояла в том, что преподавателям этого университета, получившим право обучения на факультете теологии, канонического права, медицины и «свободных искусств», разрешалось преподавать без специальных экзаменов в любом университете за пределами Парижа. Подобную привилегию получили преподаватели Саламанского университета от римского папы Александра IV в 1255 г.: им также разрешалось преподавать без особых экзаменов повсюду, кроме университетов Парижа и Болоньи. В 1347 г. аналогичное разрешение дал преподавателям Пражского университета папа Климент VI (1362–1412 гг.) [1, с. 59]. Очевидно, это было признание римскими папами высокого уровня образованности преподавателей этих университетов.

В начале XIV в., когда королевская власть в лице Филиппа IV во Франции резко усилилась, а папская власть – ослабла, преподаватели Парижского университета были вовлечены в политическую борьбу светской власти (королевской власти) с духовной властью. Под давлением короля Парижский университет должен был принять решения по делу духовно-рыцарского ордена тамплиеров [3, с. 178–196]. Университет явно угодничал перед королем в этом деле и фактически дал полное согласие на уничтожение ордена тамплиеров и передачу его имущества в руки короля, т.е. на то, чего и хотел король.

В целом можно отметить, что духовная власть в лице римских пап на протяжении XIII – начала XIV в. оказывала существенное воздействие на университеты. Фактически чувствуется стремление римской курии установить полный контроль над внутриуниверситетской жизнью и над взаимоотношениями университетов с местной светской властью. В то же время заметно и стремление светской власти, особенно королевской власти во Франции, так же контролировать университеты. Во всяком случае во Франции начала XIV в. это, очевидно, во многом удалось королю Филиппу IV Красивому.

В начале XV в., во время феодальной смуты, т.е. борьбы герцогов Орлеанских и Бургундских, когда в стране ослабла королевская власть, Парижский университет был вновь вовлечен в политическую борьбу. Так, 13 февраля 1413 г. была составлена ремонстрация университета королю Карлу VI об управлении государством [4, с. 404–417]. Это был довольно обширный по содержанию документ, состоящий из 74 пунктов. Показательно, что этот документ поддерживали светские власти Парижа. Фактически это была настоящая программа по укреплению королевской власти, «прекращению междоусобной борьбы двух феодальных группировок («бургундцев», «арманьяков», от имени графа Арманьяка).

Очевидно, велика была роль Пражского университета в политической жизни Чехии второй половины XIV – начала XV в. Именно тогда в Чехии развернулось национальное движение против засилья немцев и католической церкви. Так, в хронике Пражского университета записано, что в его стенах в 1372 г. началась борьба за вытеснение немцев [4, с. 609]. Именно в этот год чешские преподаватели выбрали ректора из числа чехов, а прежний ректор Николай Коперник и поддерживающие его немецкие магистры не признали этих выборов и избрали своего ректора некоего графа Перштейна. В 1384 г., как свидетельствует хроника, при ректоре Салтове началась борьба между чешской нацией и тремя остальными нациями университета из-за мест в коллегии императора Карла, которые занимали не чехи, а другие национальности [4, с. 609]. Хотя ректор в ходе этого конфликта запретил все занятия, чешские преподаватели продолжали их проводить с оружием в руках. Более того, в университете, по сути дела, вспыхнуло восстание, чехи избили немцев, и «тевтоны, после многократных обращений с просьбами к королю Венцеславу, к архиепископу и к королевским советникам, увидев, что они не могут рассчитывать на успех, приняли в состав коллегии Карла пятерых чехов и шестого нейтрально-го члена» [4, с. 609].

Видимо, король поддержал чехов еще и потому, что как раз в этот же год, он принимал посольство от короля Франции и Парижского университета по вопросу о преодолении раскола внутри католической церкви (в то время существовало два римских папы, которые проклинали друг друга, что создавало опасную политическую ситуацию в Европе), и вызванные на этот прием чешские доктора теологии, в том числе и Ян Гус, поддерживали решение о сложении полномочий обоих пап. В то же время представители немцев были против этого [4, с. 610]. Таким решением короля были недовольны немецкие преподаватели.

Данные хроники показывают, что светская власть в лице короля вмешивалась во внутренние дела Пражского университета и тем самым способствовала освобождению

его от засилья немцев. В то же время университет привлекался светской властью к политической деятельности чешского короля в рамках тогдашней Германской империи, в состав которой входило и королевство Чехия.

Из данной хроники известно также, что в 1410 г. преподаватель Пражского университета, а именно Ян Гус, и некий Здислав из Звержетиц с приверженцами выразили свой протест против действий архиепископа Пражского Збинкома, который пытался уничтожить все книги Дж. Уиклифа в Праге. Они не побоялись наложения на них отлучения от церкви и выступили в защиту учения Дж. Уиклифа [4, с. 610–611]. Эти действия преподавателей Пражского университета поддержали многие горожане тем, что ушли с церковной службы, а шесть пражан даже обнажили мечи и хотели убить католических проповедников в отместку за отлучение Яна Гуса и его соратников [4, с. 610–611].

В других европейских странах университеты также активно использовались светской и духовной властью в политической борьбе, что особенно заметно в период существования монархий с сословным представительством в XIII–XV вв. Однако, к сожалению, отсутствие источников, опубликованных на русском языке, не позволяет проследить эти взаимоотношения на примере Англии, Германии, Пиренейских государств и т.д.

Например, известно, что Оксфордский университет, ставший в XIV в. настоящим интеллектуальным центром Англии, был подвержен давлению со стороны королевской власти и духовенства с целью изгнания из его стен идей Дж. Уиклифа. Это произошло в 1382 г., очевидно, и из-за того, что в стенах университета не было идейного единства.

Известно еще лишь немного о некоторых моментах из истории Краковского университета начала XV в. Так, ректор Краковского университета Павел Владковец в 1415 г. написал трактат, разоблачавший агрессивную политику Тевтонского ордена против Польши [4, с. 591]. Он также выступил в защиту Яна Гуса на Констанцком соборе.

В повседневной жизни университетов была одна важная экономическая проблема – это аренда учебных классов и наем жилищной площади для преподавателей и студентов. О важности этой проблемы свидетельствует тот факт, что часто в статутах университетов и королевских грамотах об основании университетов оговаривались вопросы, связанные с платой за аренду классов и жилой площади.

В статутах Болонского университета, датированных 1405 г., говорилось, например, что студенты могли снимать квартиру, комнату или же целый дом у преподавателей университета. Независимо от того, студент сам живет на этой арендованной площади или же не живет сам, он обязан оплатить ее (т.е. жилплощадь) полностью [1, с. 135]. Очевидно, нередко студенты не могли оплачивать свое проживание из-за своей бедности. Статуты на этот счет предусматривали, что, если студент в течение двух лет проживает у своего преподавателя («оставляет у учителя свою постель или книги»), то преподаватель может по истечении срока продать вещи студента, предварительно поставив его в известность и известив об этом ректора [1, с. 135].

Сохранившиеся самые ранние статуты Сорбонны, датированные 1274 г., показывают многие стороны повседневной жизни университета [1, с. 136–139]. Прежде всего, они регулировали потребление пищи членами университета. Очевидно, в то время в стенах Сорбонны практиковались общие трапезы подобно тому, что было в монастырях (эта традиция сохранится надолго в западноевропейских университетах). Так, статуты запрещали употреблять мясо в период поста и накануне Рождества, по понедельникам и четвергам, а также от праздника Вознесения до Пятидесятницы [1, с. 136]. Вместе с тем статуты допускали отдельное питание членами университета в случае, если у него был гость. Однако и в таком случае он (т.е. член университета) должен потреблять обычную пищу.

Статуты допускали присутствие в месте жительства членов университета посторонних лиц с целью ухода за больными студентами. Однако количество таких посторо-

ронных людей строго регламентировалось, но им разрешалось питаться с общего стола [1, с. 136]. Больные или раненые студенты могли питаться, не выходя из своих комнат. Остатки пищи не выбрасывались, а раздавались в качестве милостыни бедным клирикам.

Университетские статуты регламентировали одежду членов своей корпорации. Не разрешалось носить «бросающуюся в глаза одежду и туфли», так как из-за этого «могут возникнуть различные недоразумения» [1, с. 137]. Очевидно под этими «недоразумениями» могло быть просто неузнавание окружающими членов университетской корпорации, принятие их за других людей. Ведь одежда в феодальном обществе обязательно должна была соответствовать социальному статусу человека [5, с. 31–37].

Интересно, что статуты требовали от каждого члена университета ношение на одежде своего особого знака. Эти знаки записывались на особом месте одежды с указанием имени его носителя. Видимо, это было необходимо потому, что практиковались общие стирки одежды и чтобы каждый мог потом получить лично свою одежду.

Все посторонние лица могли проживать в университетском общежитии лишь с разрешения магистра не более трех-четырех дней. Причем эти посторонние лица должны быть готовы к публичным проповедям в приходах, к «диспутам и лекциям в школах». В противном случае они лишаются «благадеяний этого дома», т.е. университета [1, с. 137]. Таким образом, посторонними лицами, которые могли бы какое-то время проживать в общежитии университета, фактически могли быть лишь представители духовенства.

Статуты предписывали изгонять из университета тех студентов, которые в течение семи лет не достигли успехов в произнесении проповедей, проведении диспутов и лекций [1, с. 137]. Также статуты предписывали строгое соблюдение всех постов. В «постные» дни допускалось потреблять пищу лишь вечером, после окончания лекций. Очевидно, это касалось как студентов, так и преподавателей. Надо думать, что в дни постов и те и другие вели просто полуголодное существование.

Университетским служащим запрещалось проживать в университетском общежитии. Лишь в исключительных случаях им разрешалось питаться и ночевать в стенах общежития [1, с. 137]. Членам университета даже запрещалось ночевать вне общежития, если же это случилось, то они должны были публично извиниться. Статуты запрещали членам университета в присутствии посторонних лиц говорить о внутренних делах университета. В таких ситуациях разрешалось лишь вести беседы на христианские темы [1, с. 138].

Таким образом, статуты Сорбонны 1274 г., пожалуй, самые подробные из всех нам известных статутов в плане регламентации внутриуниверситетского быта [1, с. 139]. Они охватывали все основные аспекты внеучебной жизни членов университетской корпорации: от соблюдения постов до ношения одежды и поведения за столом во время совместных трапез. Вся эта регламентация по своей сути была феодальной и во многом напоминала регламентацию в других средневековых корпорациях (ремесленные цеха, купеческие гильдии, монастыри).

Однако в своей повседневной жизни за пределами университета студенты далеко не всегда вели себя как законопослушные горожане. Так, в 1269 г. епископ г. Парижа отлучил от церкви всех тех студентов, преподавателей и их слуг, которые буйно вели себя на улицах города, особенно в ночное время. Наряду с этим и членам университета иногда доставалось от горожан и светских властей. Об этом красноречиво говорится в жалобе Парижского университета, датированной началом XIV в.

Большой проблемой для студентов разных университетов была нехватка денег. Это ярко отражено в поэзии вагантов, в письмах студентов. Так, в известном стихотворении «Нищий студент» есть такие слова:

Не для суетной тщеты,
не для развлечения –
из-за горькой нищеты
бросил я ученье [6, с. 324].

В одном из писем студента Оксфордского университета говорится, что он два месяца не получал денег из дома. Студент жалуется, что у него в городе большие расходы: «Я должен снимать квартиру, покупать все необходимое и делать сверх того многие непредвиденные расходы» [1, с. 143]. Сохранилось еще одно интересное письмо, правда, уже не студентом, а отца своим сыновьям, студентам Тулузского университета. Оно датировано 1315 г. Сам отец Педро Фагарола – врач из Валенсии (Испания). Он дает советы своим сыновьям по вопросам питания, сна, окружающей среды, отношений с товарищами и женщинами [1, с. 144–147].

Повседневная жизнь преподавателей университетов была во многом также регламентирована статутами университетов и правилами факультетов. Причем регламентировалось все: начиная порядком чтения лекций и заканчивая одеждой, личной жизнью преподавателей.

Однако среди преподавателей могли быть и бедные, которые не имели даже соответствующей одежды для участия в процедуре получения ученой степени и брали такую одежду напрокат [1, с. 79]. Это понятно, поскольку преподаватели получали жалование по-разному, в зависимости от читаемого курса лекций и от количества студентов.

Социальный состав студентов был достаточно пестрый. Среди них могли быть выходцы из разных сословий: дворянства, духовенства, горожан и даже крестьян. Зажиточные студенты могли иметь своих слуг и даже посещать с ними лекции.

В заключение можно сделать вывод о том, что в период Средневековья университеты были важной частью городских корпораций и не только в плане образовательных и научных центров, но и политических. Светские и духовные лица, включая королей и римских пап, придавали им большое значение и нередко прямо консультировались у них по различным политическим и религиозным вопросам. Вместе с тем в средневековых городах, в которых располагались университеты, случались конфликты, иногда даже и вооруженные, между горожанами и студентами, которые могли приводить к закрытию университетов и уходу студентов и преподавателей в другие города. По мере укрепления центральной королевской власти в XIV–XV вв. университеты все более становились в подчиненное положение им и покорно выполняли волю монархов, что хорошо видно на примере Парижского университета начала XIV в. в связи с процессом по делу тамплиеров. Однако университеты могли быть и центрами политической и национальной борьбы, что опять-таки хорошо видно на примере Парижского университета начала XV в. в период слабой королевской власти и разгула феодальной вольницы и Пражского университета того же периода во время развернувшегося гуситского движения.

Повседневная жизнь университетов, как и в других городских корпорациях, была подробно регламентирована. Статуты университетов расписывали все: от порядка чтения лекций и проведения диспутов до одежды и питания преподавателей и студентов. Однако это не приводило к общей унификации повседневной жизни членов университетских корпораций. Так, разная оплата труда преподавателей напрямую сказывалась на их имущественном положении. Совершенно определенно отличался быт студентов из зажиточных слоев населения (снимали целые дома, имели с собой слуг и т.п.) от быта студентов из низших слоев населения, которых могли даже освобождать от платы за обучение. Очевидно, лишь ежедневные совместные трапезы преподавателей и студентов да еще совместное проведение торжеств, как светских, так и церковных, символизировали единство университетской корпорации.

Таким образом, университеты являлись как образовательными, так и политическими корпорациями средневековых городов. Короли, светские и духовные лица придавали им большое значение, иногда даже консультировались у них по важным политическим вопросам.

Библиографический список

1. Документы по истории университетов Европы XII–XV вв. : учеб. пособие // вступ. ст., перевод и прим. Г. И. Липатниковой ; под. ред. и с предисл. А. Е. Москиленко. – Воронеж : Воронеж. пед. ин-т, 1973. – 157 с.
2. История средних веков. Хрестоматия. Ч. I–II / сост. В. Е. Степанова, А. Я. Шевеленко. – Москва : Просвещение, 1981. – 335 с.
3. Хрестоматия по истории средних веков. Ч. I–II / под ред. С. Д. Сказкина. – Москва : Высш. шк., 1963. – 751 с.
4. Григулевич, И. Р. Инквизиция / И. Р. Григулевич. – Москва : Политиздат, 1985 – 448 с.
5. Вейс, Г. История цивилизации: архитектура, оружие, одежда, утварь. Иллюстрированная энциклопедия : в 3 т. / Г. Вейс. – Москва : ЭКСМО-Пресс, 2000. – Т. 3. Новое время (XIV–XIX в.). – 599 с.
6. Бойцов, М. История средних веков / М. Бойцов, Р. Шукуров. – Москва : МИРОС, 1999 – 416 с.

Сокова Алёна Викторовна, студентка, Пензенский государственный университет.

E-mail: alena.sokova2000@mail.ru

Митрофанов Владимир Петрович, доктор исторических наук, профессор, кафедра всеобщей истории и обществознания, Пензенский государственный университет.

E-mail: vm@em-england.ru

Образец цитирования:

Сокова, А. В. Взаимоотношения западноевропейских университетов со светской и духовной властью. Повседневная жизнь университетов (XII–XV вв.) / А. В. Сокова, В. П. Митрофанов // Вестник Пензенского государственного университета. – 2020. – № 3 (31). – С. 55–61.